

ПРОЛОГ

ИЗБРАННЫЕ

На рассвете, сером, как осенняя паутинка, Уриэль и его сестра сошлись в поединке у бабушкиной могилы.

Гробница размерами превосходила все остальные на этом холме: гранит и янтарь, мед и чернь. Блестящая, с острыми как бритвы гранями, она была в точности как и сама старая дама. Конечно, если верить тому, что о ней рассказывал Дед, а Уриэль верил всему, что тот рассказывал.

Блеск и холодные острия — семейные ценности Кроатов.

Клинок, звеня, встретился с клинком. Роса, выпавшая на гладком как лед мраморе, брызгала из-под босых ног. Уриэль едва не поскользнулся, одной рукой он махал, чтобы восстановить равновесие, другая в тот же миг обрушила меч на меч Эмбрел.

Она увернулась. Конечно, Уриэль был сильнее, но Эмбрел — проворней, так что покуда ему удалось выбить у нее лишь короткий смешок... Его локти и костяшки пальцев ныли от ударов о каменную ограду гробницы, но и он не смог удержаться от смеха.

— Ты никак, — выдохнул он между выпадами, — никак не можешь простить, что я тебя перерос, верно?

— Этот рост полагался нам двоим, — откликнулась она, — ты украл его.

Она скользнула в частокोल надгробий у подножия усыпальницы. Уриэль гнался за сестрой сквозь весь Сад Ожидания, — город мертвых. Здесь не было двух похожих надгробий. Кладбище представляло собой беспорядочную мешанину сумрачных башен и островерхих склепов, древних дольменов и побитых ветрами саркофагов, повторялся лишь неизменный герб — ворона, сидящая на руке скелета.

Там, Снаружи, есть поговорка — прошлое — это другая страна, — но здесь столетия жались друг к другу, как родичи, вся история Кроатов в мраморе и граните. Некоторые тропинки меж могилами были широкими, точно улицы, газоны аккуратно подстрижены, на клумбах цветут пионы. Статуи тянулись друг к другу, простирая руки и обернув к каменным родичам пустые бледные лица.

ПРОЛОГ

Повсюду пестрели памятные таблички, эта перхоть мертвецов. Уриэль не удостоил их взглядом — он знал все имена, что на них начертаны.

Что-то шевельнулось? Он протиснулся меж стайкой двоюродных бабушек, чтобы перевести дух, опершись на миг на ту, что звалась

ЭВТАЛИЯ КРОАТ

Пала в бою

В каком-нибудь другом семействе такие кладбищенские пляски, пожалуй, сочли бы неуважением по отношению к покойным предкам. Не важно, подумал Уриэль. Быть Кроатом — это и значит не заботиться о том, что думают о тебе другие. Брать в расчет чьи-то чувства он был готов единственно потому, что бабушка говорила, мол, порой полезно думать так, как думают твои враги. То есть как все остальные. Не потому, что они что-то такое сделали: история весьма наглядно научила их не делать Кроатам ничего... Но потому, что они не были Семейей, не были Избранными. Вот и все.

Уриэль оттолкнулся от Эвталии, мимоходом приязненно потрепав ее по колену. Она наверняка была бы рада знать, что содействует его тренировкам. В конце концов, кровь Кроатов не водица, ты не мог просто так перестать трудить-

ся во славу Семьи только потому, что тебе вздумалось умереть.

Толстые серые вороны оглушительно каркали, но это были единственные звуки во всем некрополе. Уриэль кивнул одной из них, проходя мимо, и наудачу дотронулся до вышитой на рубахе ее товарки.

Будь он Эмбрел — что без труда мог представить, поскольку сердца их с самого детства бились в унисон, — он бы двигался сейчас осторожно и медленно, чтобы ничем не выделяться среди статуй благодаря бледной коже и пепельно-серым волосам, этой природной маскировке Кроатов.

Вот оно. Едва заметный промельк. Нога шевельнулась там, где никакого движения быть не должно.

Уриэль ринулся туда, затаив дыхание, бесшумно переступая своими собственными ногами, провожаемый одобрительными взглядами мертвой родни. В голове его уже сложился план атаки.

Впереди, где Средние века уступали место Возрождению, тропинка изгибалась. Уриэлю всегда нравился этот участок Сада — история была его любимым предметом, а скульпторы воспроизвели каждую полученную в бою рану. Доспехи зияли дырами, каждый продырявленный колет, каждое покореженное звено кольчуги со всем

тщанием воспроизведены в камне. Уриэль часами просиживал в Галерее Скорби, подыскивая для каждой раны соответствующее сражение.

Это было отличное место для засады, к тому же Эмбрел будет ужасно досадно, если он одолеет ее тут, в своем любимом месте, учитывая, что именно она выбрала Сад для их поединка. Мелочь, а приятно.

Фигура впереди замерла. Уриэль и до этого двигался бесшумно, теперь же он скользил, точно призрак. Он едва-едва поколебал воздух, пока куда взбирался на вершину одного из склепов

ЛОРД ТЕРРАТАС КРОАТ

Предательски убит

И по-пластунски пополз по его крыше. Он не поднимал головы из опасения, что Эмбрел почувствует на себе его взгляд.

Клинок дрожал лишь на волосок от мраморной поверхности. Он собрался и бросился вперед.

Уриэль приземлился изящным кувырком, который никем не был оценен по достоинству. Затем вскочил на ноги и проделал резкий оборот, готовый отразить поднятым клинком любой встречный выпад, которого не было...

Ну, это уже начинало раздражать...

И в этот самый миг его меч выбили из рук с та-

кой силой, что пальцы онемели. Он открыл рот, но подавился криком, и мир вокруг него померк. Удариться о землю было почти облегчением.

Уриэль выплюнул траву.

— Дедушка.

Угловатый, худой и отчужденный, с железным пятном на скуле, Дедушка, казалось, был вырезан из самого сердца ледника — бесцветная кожа туго обтянула череп. Порой Уриэлю казалось, что сквозь него вот-вот начнет струиться свет, и все же по прочности старик не уступал нейтронной звезде — ни ее плотности, ни ее тяжести.

Он медленно, хрустнув суставом, согнул правую руку. Пустой рукав левой остался безжизненно висеть.

— Что ты сделал не так?

Этот вопрос старик задавал всегда.

— Слишком сконцентрировался на объекте нападения, — незамедлительно отозвался Уриэль, с трудом поднимаясь на колени, — и упустил из виду, что и сам могу стать объектом нападения.

Ничем он не выдал, что заметил, как Эмбрел корчит ему гримасы из-за Дедовой спины. Ни одним мускулом. Ни взмахом ресниц. Глаза свои — холодные, спокойные и зеленые как трава — он не отводил от Деда.

— Мы все должны быть готовы к смерти,

когда придет наше время, Уриэль, — проворчал Дед. — Но мы Кроаты.

Он произнес это резкое, каркающее созвучие с холодной гордостью. За его спиной сверкнул клинок Эмбрел.

— Наша кровь драгоценней алмаза чистой-шей воды, лучшего золота... И мы готовы принести ее в жертву. Но только когда...

За его спиной Эмбрел проделала безупречный выпад, и Дедушка повернулся к ней, словно они были двумя частями одного отлаженного механизма. По инерции она врезалась в его локоть с отчетливым «крак», но, в падении, оглушенная, успела подбросить ногой лежавший на земле меч Уриэля так, что он опустился прямо в раскрытую ладонь брата. Он вскочил, оскалив зубы...

Дедушка поднял руку.

Уриэль застыл в полупрыжке, салютуя мечом. На земле Эмбрел, привстав, повторила его жест.

— Когда Она повелит нам, — хором сказали они, закончив фразу.

Хотя, подумал Уриэль, у Деда это получалось внушительней. Голос главы Семьи был точно резак, рассекающий крышку свинцового гроба. Уриэлев же все еще выкидывал непредсказуемые коленца, отчего Уриэль предпочитал пользоваться им как можно меньше.

— Хорошо, — отозвался Дедушка. — А теперь пора.

Два сердца пропустили удар, сначала одно, через полсекунды второе.

Фамильный особняк Кроатов именовался Красноречие и лежал в руинах. Остров, на котором он стоял, в поперечнике составлял лишь несколько километров и был расщеплен надвое узкой долиной, глубокой и мрачной, словно кто-то пытался уничтожить мир ударом топора, и лезвие опустилось именно сюда. Растрепанные сухие деревья торчали по краям. В воздухе пахло пылью и дальним морем, а холод стоял такой, что слабый солнечный свет омывал кожу Уриэля, словно ледяная вода. Не тот пейзаж, который предпочитают фотографировать туристы или рисовать симпатичные бородачи. Но тот, который способен влюбить в себя поэта, а потом свести его с ума.

Именно в этой расселине и лежал труп замка.

Когда-то Красноречие лепилось к западному утесу — островерхие башни и бастионы, насекомоподобный силуэт, что заслонял собой небо. Но это было давно, очень давно. Замок рухнул, и падение было не из приятных. Прежний его фундамент был теперь лишь беспорядочной грудой камней, а сам замок лежал в развалинах сотней метров ниже.

Так, должно быть, от ледника откалываются и соскальзывают в море айсберги, думал Уриэль, когда они с сестрой покинули Сад Ожидания и

скользили по склону вниз, направляясь к Красно-речию. Он представил себе, как это произошло сотни лет назад: могучий стон, сотрясающий воздух, камень отделяется от камня, растерянность обитателей замка, чей видимый в окнах внешний мир вдруг рванулся вверх...

Эмбрел одарила его нервной усмешкой. Он тоже ощущал это — смесь ужаса и восторга, что вела их сюда на бессонном рассвете. Это был тот самый день. Их день. Все, чему они научились, все, чем они стали... каждый удар сердца вел их к этому.

Медленно, настороженно они вступили в Красноречие. Удар о дно долины грубо переко-режил крепость, словно упавшее с высоты тело. Когда-то просторные залы приняли иную форму, одни помещения схлопнулись, тогда как другие отворились, двери стали потолками, потолки превратились в двери. И повсюду проволока — туго натянутая, сверкающая, пересекающая каждый проход, режущая сумрак на правильные геометрические фигуры. Где-то она была толстой, переплетенной жгутами. Где-то тонкой как струна и острой как бритва.

Это ее черная паутина удерживала замок в его полураспаде, подобно тому, как плющ столетиями скрепляет камни полуразрушенной стены, даже притом, что душит их в своих объятьях...

Хлопья пыли испещряли воздух. Некоторые

опускались на проволоку и перерезали себя напополам.

Трое Кроатов спускались все ниже и ниже, через былую славу Зала Приемов, меж расплюснутыми колоннами Престола Могущества. И повсюду они видели Ворону и Руку. Красноречие перекрывало звук шагов дробящимся эхом, и наконец уже невозможно было отличить их собственный шаг от шороха призрачных ног, топящихся следом.

Будь на их месте какой-нибудь другой Кроат, Семья выстроилась бы по бокам в молчаливой поддержке. Однако Уриэль не слишком огорчился. Все, в ком он нуждался, находились здесь.

И вот перед ним дверь. Ее дверь. Дедушка исчез за ней, не сказав ни слова, и на какой-то краткий миг Уриэль и Эмбрел заколебались. Именно здесь свет погас. Вскоре, если все пойдет как надо, близнецам он будет больше не нужен.

Последний спуск происходил в темноте такой полной, такой совершенной, что Уриэлю казалось, глаза его залепило мазутом. Но он и Эмбрел хорошо освоили этот путь. Скользить меж невидимых проволочных растяжек было так же естественно, как дышать: тут поднять руку, там передвинуть ногу. Один раз все же Уриэль ощутил, как что-то скользнуло по скуле, и знал, что потерял клочок кожи. Но это было лишь справедливо. Никто не мог спуститься сюда без того,

чтобы не пустить себе кровь, с тех пор как Дедушка и сам был мальчиком. Эту цену платили всегда.

Наконец воздух стал иным. Уриэль ощутил, что пространство вокруг него, прежде ограниченное камнем и проволокой, раздвинулось. Завеса. Эмбрел стояла рядом, Дедушка где-то впереди, а наверху...

Она.

Парящая в воздухе. Молчаливая. Огромная. Ни фотона света не было здесь, чтобы разглядеть хоть что-то, но он все равно ощущал Ее присутствие, наполняющее тьму величием. Он вглядывался во тьму так, что глаза заболели, но Ее очертания ему так и не открылись.

Как и следовало. Они увидят Ее, когда станут Избранными. Если станут Избранными. На миг Уриэля охватил определенно чуждый природе Кроатов липкий страх.

— На колени! — велел Дедушка.

Близнецы подчинились.

— Давным-давно, — провозгласил Дедушка, — на нас возложили обязательство. Призвание. И ныне пред тем, пред кем склонялись первые Кроаты, склоняетесь и вы, чтобы узнать, достойны ли вы быть призванными. Быть Избранными. Быть Кроатами. Искупительница глядит на вас, и, если сочтет вас достойными, мир

содрогнется в огне, извергнутом Ею. Вы уже избрали форму, которую примет огонь?

Эмбрел отозвалась первой:

— Я буду взывать к Ней песней, Дедушка. Мой голос, Ее пламя.

— Хорошо, — сказал Дедушка, — а ты, Уриэль?

Он обратился мыслью к долгим утренним медитациям, к мысленным образам, которые он удерживал, покуда они не засияли за сомкнутыми веками, не заполнили его сны. Искупительница щедро одаряет, но и требует многого, и кладбище укрыло многих Недостойных.

Вера — вот тот огонь, что пылал в крови Кроатов.

— Это будет меч, Дедушка.

И сам я стану мечом.

— Наш отец-основатель сказал нам, что Она возвратится, — голос Дедушки был исполнен мрачного обещания, — и поведет нас в Грядущей Войне... Ибо восстанет Супостат, и мы повергнем его, но взамен...

По щекам Уриэля стекал пот. Ему казалось, что нечто, что когда-то было его частью, а ныне отделилось, сжимает его голову, причиняя невыносимую боль. Он прижал ладони к каменной двери, чтобы прийти в себя, и его руки едва ощутимо коснулся мизинец Эмбрел.

А что, если мы не...

Потом пришла еще более страшная мысль.

А что, если Эмбрел — Избранная, а я...

Нет! Он не станет так думать. Друг от друга их с рождения отделяло лишь полсекунды. Их и сейчас ничто не может разлучить.

Мы заслужили спасение!

Сердце его колотилось так громко, что казалось, трясется сама комната. Дедушка все еще говорил, но впервые в жизни Уриэль его не слушал. Тьма, что заполняла его разум, вдруг треснула и разорвалась. Он задышал часто и прерывисто, и, покуда мизинчик Эмбрел дрожал, прижавшись к его пальцу, Уриэль едва удерживался, чтобы не заорать от облегчения.

Это было потрясающе, невероятно, но почему-то казалось, что случилось то, что должно.

Свет вырвался из Уриэля, густой и золотистый, точно мед, обжигающий и яростный, как звезда. Две звезды. Волосы его сестры встали дыбом, как языки пламени, воздух над ними дрожал от невыносимого жара. Огонь рвался на свободу, но он, Уриэль, укротил его, как и пристало Кроату.

Потому что они не как все. Потому, что они — Избранные.

Темнота вокруг них отступила. Нет, не отступила, окончательно рассеялась. *Я больше никогда не испугаюсь темноты*, подумал Уриэль, покуда кровь стекала по его освежеванной скуле. Дедушка высился пред ним, суровый и торже-

ственный. Однако, как бы ни был он высок, его затмевало то, что маячило за ним, — сардоническая ухмылка, провалы и отблески света...

Ее великолепие, подумал Уриэль, ужас, который Она несет.

Их Искупительница.

Дедушка одарил близнецов одной из своих редких торжествующих улыбок:

— С днем рождения!

БУМАЖНЫЕ ПОРЕЗЫ

Денизен Хардвик любил книжные лавки.

Это романтическое увлечение он открыл для себя совсем недавно. Поблизости от приюта, где он вырос, просто-напросто не имелось ни одной. К тому же Денизен был самым обычным сиротой, а не богатым наследником, так что в любом случае купить там он ничего бы не смог. Но теперь Денизен жил в городе, где книжные лавки на каждом углу, и его оттуда было клещами не вытащить.

И в огромном книжном супермаркете, и в тесной норке букиниста, что пускала посетителей лишь на полчаса только по вторникам, да и то только в дождь, была своя магия — чуждая Денизону, но тем не менее магия.

И, полагал он, лучшая в мире магия.

Дубовые полки блестели, натертые воском, наполняя помещение волнующими запахами леса. Пространство тут самым нахальным образом

пренебрегало тремя измерениями; ряды антикварных шкафов таили в своих недрах уютные закутки и глубокие ниши, где завязывалась волшебная интрига между покупателем и книгой.

Снаружи солнце наполовину скрылось в облаке, но, несмотря на это, свет в магазинчике стоял густой и золотистый — летний полдень в Нарнии, Лориене, Фаэре, Хайбории или Клатче¹.

Пожалуй, тут слишком уж хорошо, подумалось Денизену. Карты на стенах и массивные разнокалиберные кресла добавляли солидности и очарования старины. Тут даже имелся глобус, пылящийся на конторке, — саженный, испещренный сеткой параллелей и меридианов, запятнанный островами и континентами.

Денизен позволил двери мягко захлопнуться за ним. Звякнул серебряный колокольчик — словно вежливо кашлянул.

При этом звуке хозяин лавки поднял голову. Он идеально подходил своему окружению — седоватая бахрома обрамляла пятнистую лысину. Старик являл собой воплощение букиниста. Трудно было бы вообразить его кем-то еще, разве что филином-оборотнем. Голос его напоминал шелест, производимый пальцем, что двигается по строчкам сверху вниз.

¹ Здесь перечислены литературные волшебные страны авторства знаменитых английских и американских писателей: от Клайва Льюиса до Терри Пратчетта. (*Прим. пер.*)

— Чем могу помочь?

Денизен провел рукой по рыжим вихрам. Веснушки точно семена усеяли его бледную кожу в предчувствии близкого лета, самая темная сидела на нижней губе точно чернильное пятно. Он настороженно выглядывал из-за поднятого воротника своего просторного, не по размеру, пальто.

Денизен Хардвик всегда был настороже. Так он смотрел на мир всю свою жизнь — словно знал, что ему придется выдержать удар, но не знал, чей и когда. Однако последние несколько месяцев наложили на него странные и неизгладимые отметины. Денизен все еще выглядел, как человек, который ожидает удара, но совершенно определенно способен тут же, не сходя с места, дать сдачи.

Проницательные серые глаза разглядывали букиниста.

— Мне нравится ваша лавка, — сказал Денизен. Он не кривил душой — хотя, несмотря на все его восхищение тщательно подобранными деталями обстановки, он не мог не заметить яркие флаеры, приклеенные к двери, дешевая печать смазана касаниями бесчисленных рук. — Здесь тихо.

— Да, большей частью, — ответил хозяин, — но я притерпелся.

— Мне тоже выпадают спокойные деньки, —

Денизен разглядывал потрепанную обложку детективного романа, — но... похоже, этот будет из шумных.

Улыбка продавца стала растерянной.

— Прошу прощения?

Денизен осторожно подбирал слова, поскольку гнев тугим обручем стянул ему виски. Это случилось все чаще и чаще. Прежде он мог часами просиживать в книжных лавках. Но с недавних пор покой покинул его.

Он думал о том, что так хрупко. Так легко воспламеняется.

— Я вроде как делаю обход, — сказал он. — Смотрю. Слежу. Наблюдаю. Что-то в этом роде.

Он не сводил глаз с букиниста, но надписи на флаерах теперь горели у него под веками.

**ПРОПАЛ!
ВЫ НЕ ВИДЕЛИ НАШЕГО СЫНА?
ПОМОГИТЕ!**

Последний флаер язвил больней всего. Фотография, номер телефона и один-единственный вопль о помощи.

Старик по-прежнему улыбался, но теперь его тонкие губы растянулись, обнажив зубы. В зрачках плескалась тьма.

— Пришлось потрудиться, чтобы проверить все, — беззаботно продолжал Денизен. — Фотографировать. Следить за лавкой. Даже прошер-

стить ваш мусор, а его было немало. Это дало еще один ключ. Люди всегда упускают всякие мелочи. И вы не исключение.

Под потолком вдруг замерцала одна из лампочек. Но ни продавец, ни Денизен не обратили на нее никакого внимания. Твидовый пиджак старика чуть шевельнулся, словно мышцы под кожей. Одна-единственная прядка упала с пятистого черепа — запятая, бледная и удивленная.

— Мне приказано позволить ей разделаться с вами, — продолжал Денизен, — но я не могу... Не после того, как...

Мрак в глазах букиниста. Язык огня в горле Денизена.

После чего? — прошептал старик, голос был точно шорох старых, истрепанных крыльев.

— Не после того, как вы развесили их фотографии у себя на двери.

И Тенебрия бросилась в атаку.

Лицо старика треснуло и распахнулось, как драная бумага, как пыльное облако. Зубы посыпались на пол, вытолкнутые наружу другими, вполне годными для акулы — заостренными, загнутыми внутрь лезвиями. Конечности удлинлись и разрослись, тени кинулись им на подмогу. Лампочка на потолке погасла в тот миг, когда Темный заскользил по полу книжной лавки, искажая и коверкая пространство вокруг себя.

— Давай! — крикнул Денизен.

Саймон Хэйс, мерцая, выступил из мрака слева от Денизена, ладони его пылали. Угорь-в-твиде попытался свиться в клубок, но высокий мальчик с грозным окриком метнул огненное копье, заставившее тварь согнуться пополам. В вихре книг ее отбросило назад, на рухнувшие книжные полки. Она все еще дымилась, но пламя погасло так же быстро, как и вспыхнуло. Одна-единственная искра, медленно кружась, опустилась на порог и, зашипев, погасла.

Денизен облегченно вздохнул. Силу, что перекатывалась у него под кожей, можно было назвать по-разному, но никак не осторожной. Сжечь тварь, что выползла из дальних закоулков вечности, — одно дело, но вот сжечь книгу — это уже никуда не годится.

— Отличная работа, — сказал Денизен, повернувшись к другу, — очень аккуратная. И у тебя стало здорово получаться искривлять свет. Я тебя совершенно не заметил.

— Знаю, — Саймон застенчиво усмехнулся, — ты чуть не оттоптал мне ногу в дверях.

— О, прости, — сказал Денизен, — я был...

Его слова потонули в растущем шуме ветра. Книги сами собой перелистывали страницы, флаеры, приклеенные полосками скотча к дверям, беспомощно хлопали, прежде чем оторваться и улететь...

— Вне себя, — закончил он.

Кожа букиниста задвигалась на полу, приобретая форму странную и пугающую. Одна рука, все еще человеческая, заканчивалась кистью с растопыренными пальцами, другая стала вздувшейся клешней из бумаги и костей. Тяжелый шкаф, который он поднял, весил больше, чем Саймон и Денизен вместе взятые, но тварь продолжала удерживать его одной рукой.

Именно этого Денизен и ждал.

Сдерживать себя, покуда Темный атаковал, было нелегко. Если честно, то с самого первого мига — все эти дни, с тех пор, как он открывал глаза утром, и до того, как он закрывал их, отходя ко сну, — но и во сне ему приходилось бороться с собой.

Такое облегчение дать себе волю.

Воздух уплотнился и стал пружинистым ровно настолько, чтобы брошенный в Денизена шкаф ударился об него и отлетел в сторону: он врезался в стену, попутно превратив старинный глобус в коллекцию старинных обломков.

Ох ты! Это был и впрямь отличный глобус.

Бумага гнулась и рвалась, по мере того как Темный поднимался во весь рост. Лампочка над ними наконец окончательно обезумела, свет, сочившийся из нее, стал серым и синим, словно ее одели в цветной колпак или словно лучи процеживались сквозь змеиный глаз.

— Давай же, — прошипел Саймон уголком

рта. Синий свет лампы смыл все краски с его кожи.

— Что? — в ответ прошипел Денизен.

— Сделай ты. У тебя это лучше получается.

— Погоди... держи-ка...

Тварь ринулась к двери, пригнувшись и используя книжные полки в качестве прикрытия. Денизен заколебался, как дурак, и, покуда он так колебался, Темный сорвал с петель заднюю дверь и швырнул в него, и Денизен едва успел уклониться.

Жуткая ухмылка разорвала напополам лицо твари.

Читатели, прошипела она презрительно, но тут же взвизгнула, поскольку огненный шар обжег ей спину.

Абигайль Флакс с детства учили осмотрительности. Она не отводила глаз от угря-в-твиде, свет, что лучился у нее из пальцев, пришили Темного к полу, пожирал все кружившиеся страницы, все парящие в воздухе хлопья пыли... Так, слой за слоем, покуда не осталось ничего, лишь черный мазок грязи на полу.

Но вскоре и он исчез.

Ярость в глазах Абигайль постепенно гасла, а полоску сажи, что темнела на смуглой ее щеке, она стерла железным пальцем.

— Вы, оба, — сказала она любезно, — полные идиоты.